ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

А.Г. Задохин

Известно, что еврейский вопрос как транснациональный феномен возник вместе и одновременно с возникновением христианского мира. Тенденция была заложена тогда, когда, выделившись из животного мира и завоевав в этом мире свою нишу, прачеловеческие группы начинают конкурировать в этой нише между собой, ведя борьбу сначала за ресурсы, а затем за утверждение своей культурной идентичности. Выживал более сильный, более консолидированный и самоорганизованный этнос. Другими словами, конкуренция между социальными общностями — это конкуренция управлений, форм самоорганизации и специализации. Общность (народ и т.д.), сумевшая стабилизировать «более высокие значения неравновесия со средой, обладает, следовательно, более совершенными средствами управления»[1], и данное обстоятельство задает определенную направленность развития.

Конкуренция прачеловеческих групп заложила основы известного универсального человеческого архетипа «мы — они»[2]. Социопсихологи определили, что исторически категория «мы» вторична по отношению к категории «они»[3], т.е. осознание своего коллективного и его особенностей следует за осознанием особенностей другого народа, как правило, соседнего. Такое отражение окружающего социального мира, или восприятие соседних народов, определяется термином «этноцентризм»[3], т.е. помещение еще неосознанного собственного коллективного Я в центр мироздания[4]. На ранних этапах этноцентризм не выражал ничего, кроме особенностей первобытной, еще бессознательной психики. Термин «этноцентризм» метафорично и универсально отражает отношение отдельного народа к внешней среде, фиксируя этап эволюции социальной психики человеческих групп[5].

Далее оппозиция внешних антропологических (облик другого народа) и территориальных («они живут за рекой») различий со временем дополняется культурным компонентом — образом жизни, языковой знаковой системой, наконец, осознанием себя через первичную религиозного типа систему восприятия мира (язычество), а затем и через принадлежность к одной из мировых религий.

Религия придала возникшим в ходе эволюции и неизбежно появляющимся различиям народов символический и священный характер, закрепила их в культуре и языковой знаковой системе (говорящие на разных языках). Другими словами, религия затушевала универсальность архетипа «мы — не мы». Теперь речь шла уже о том, у кого этничность лучше, т.е. по схеме «мы — лучше, чем они».

Отношение к внешнему миру и его субъектам — народам и государствам — выстраивается на сопряжении самоописания народа и его описания другим народом, т.е. на встречных представлениях. В иноописании обязательно присутствуют определенные искажения и ценностные подходы, порожденные историей отношений, непониманием или неполным пониманием того или иного факта инокультурным наблюдателем. «Описания одной и той же совокупности явлений, сделанные изнутри и извне, должны быть неминуемо различными (даже при условии одинакового знакомства с фактами как таковыми)», поскольку «...в исторических описаниях, как и вообще при любом сознательном и целенаправленном анализе явлений гуманитарной сферы, не удается отвлечься от “возмущающей” ро-

---

[1] *Назаретян А.П.* Человеческий интеллект в развивающейся вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1990. С. 75.

[2] См.: *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1998. С. 67.

[3] См.: *Арутановский С.Н.* Этноцентризм и «возврат» к этничности: концепция и действительность // Этнографическое обозрение. 1992. № 3.

[4] См.: Мифы народов мира. М., 1989. Т. 1. С. 12–22; *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. С. 24.

[5] См.: *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 197.

ли субъективного (человеческого) начала, в данном случае от личности того, кто описывает ситуацию»[6], причем особенности определяются спецификой субъекта. Самоописание всегда избирательно[7].

В свою очередь для внешнего наблюдателя — представителя другой культуры, другого народа, не понимающего логики данного поведения, все значимо в равной степени. Иностранцы поэтому фиксируют и то, что самим представителям описываемого народа «просто незаметно»[8]. Реконструируя в рефлексивном процессе, на основе научных методик, самоописание и иноописание, сопоставляя их во времени, можно выделить наиболее существенное, что проходит через всю национальную историю, т.е. архетипические образы и стереотипы, с целью выработки последующих действий, которые способствовали бы преодолению стереотипов.

Последующие светские модернистские попытки преодолеть первичные оппозиции и сформировать культуру толерантности («все народы равны, все люди братья, пусть и говорят на разных языках»), хотя и принесли определенные положительные подвижки, но архетип по-прежнему прочно «сидел» в национальном сознании, памяти каждого народа, напоминая о себе на бытовом, государственном и международном уровнях каждый раз, когда возникала конфликтная или кризисная ситуация в государстве и в международных отношениях или у кого-то возникала политическая потребность в актуализации отмеченной культурной оппозиции.

В то же время наряду с процессом культурной дифференциации человеческих групп развивался процесс интеграции и универсализации. К этому народы побуждали общие внешние вызовы и угрозы и совместное существование, что ведет к возникновению различных институтов интеграции, в частности, государств.

Политическая интеграция естественным образом требовала единой идеологической системы. Первоначально это выразилось в попытках создать пантеистическую религию (некий пантеон богов родственных племен) под началом протогосударственных и государственных образований. Впоследствии зарождение и развитие региональных империй привело к возникновению мировых религий. Более того, империи силой оружия и авторитета расширяли пространство мировых религий. В то же время параллельно продолжали существовать местные этнические религии.

Все мировые религии претендовали на надэтничность (трансэтничность), т.е. на равенство народов друг перед другом по отношению к Богу и отрицание дуалистического архетипа, но при условии, что они примут принципы идеолого-ценностного универсализма. При всем этом мировые религии опять воспроизвели все ту же оппозицию «мы лучше, чем они», то есть «мы, христиане, лучше, чем они, нехристиане» или «мы, мусульмане, лучше, чем они, немусульмане» и т.д. и т.п. Соответственно все не принявшие универсализм народы приобретали статус маргиналов, а то и отступников (мы предлагали, а они отказались). С одной стороны, это ставило народы-маргиналы в сложное для их выживания положение, а с другой — именно это (если они выжили) способствовало выработке у них особых качеств. Социальные психологи отмечают, что в своем стремлении выжить и сохранить самобытность многие народы-маргиналы или их представители достигают больших успехов и занимают достаточно высокое положение среди других народов[9]. Примером могут быть отдельные представители американской нации — афроамериканцы или иммигранты в первом поколении. Собственно говоря, успехи США — это изначально вклад каждого изгоя, иммигранта-маргинала, прибывавшего в Новый Свет[10].

Одним из народов-маргиналов в христианской среде стал еврейский народ. Дело не только в том, что он не принадлежал к христианскому миру. В отличие от ряда других маргинальных языческих

---

[6] *Топоров В.Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам (ТЗС). Т. VI. Вып. 308. Тарту, 1973. С. 108–109.

[7] См.: *Живов В.М.* О внутренней и внешней позиции при изучении моделирующих систем: Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 6–7.

[8] См.: *Лотман Ю.М.* Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 293.

[9] *Stonequist E.V.* The Marginal Man: A Study in Personality and Culture Conflict. N.Y., 1961.

[10] См.: *Задохин А.Г.* Соединенные Штаты Америки как цивилизационный фактор мировой политики // Обозреватель. 2004. № 3.

(этнических) религий иудаизм, являясь источником христианской религии, стал раздражителем христианской идентичности.

Христианская трансэтническая религиозная система формируется одновременно и как развитие, и как отрицание иудаизма. Христианская доктрина заимствует определенные положения иудаизма. Но впоследствии христиане пытаются забыть свои иудаистские корни, культивируя миф о предательстве Иуды, тем самым как бы подводя черту под своей дохристианской предысторией. Но прошлое не удается забыть, и через столетия христиане внутренне не могут примириться с тем, что их бог был евреем. Пушкин, который в общем-то не был замечен в особой религиозности, в своем письме к П.Я. Чаадаеву напоминает себе и адресату тот факт, что источник христианства был «не чист», ибо Иисус Христос «родился евреем».

Внутренний конфликт ценностей и присущий всем народам комплекс неполноценности христиане пытаются преодолеть через распространение вины Иуды на всех евреев, т.е. умножение локальной оппозиции «мы — не мы» на бесконечный ряд подобных, сделав чисто ближневосточный феномен универсальным и сверхсакральным. Теперь при любых критических ситуациях любой христианин, любой христианский народ знал своего единственного «чужого», «виновного» в своих бедах, тем более, что об этом напоминали в проповедях.

В обычном состоянии воздействие архетипов и стереотипов не слишком влиятельно. В условиях же внутреннего или международного кризиса возникает особое психологическое состояние общества. Оно выражается в нарастании воздействия коллективного бессознательного в социальном действии, когда спонтанно появляется стремление к стереотипному разрешению кризисной ситуации. Происходят сужение сознания, возврат к ограниченному ряду архаических ориентиров, сложившихся в процессе предшествующих периодов развития общества и его сознания и отражающих реальность иного геополитического и культурного порядка.

Стереотипная ценностно-культурная ориентация общественного сознания с опорой на его архаические слои создает условия для блокирования прагматического определения целей и максимально точного описания национальных интересов в соответствии с ресурсами и возможностями общества на данный момент и с учетом перспектив его развития. Так естественный «природный» этноцентризм начинает трансформироваться в концептуальный национализм[11], в котором избранность нации и ее мессианская предназначенность являются основными мотивами агрессивной внешней политики[12].

Это происходит в различных вариантах. Так, ценности-клише активно влияют на формирование образа (картины) мира: реальность как бы подгоняется под какие-то ценности или воспринимается через их фильтры.

Внешние опасности формируют систему самоидентификации любой нации. Осознание своего коллективного Я происходит не просто как сопоставление — в процессе этого сопоставления оно приобретает определенные ценностные характеристики. Контуры некоторых базовых параметров понимания «иного», или «другого», народа в ценностном контексте передаются через обобщенную категорию «чужой»: «они» — это те, кто не просто чем-то не похожи на «мой» народ, но и не принадлежат «моему» роду, «моей» общине, т.е. буквально «не мой» и «чужой». Непохожесть вызывает ощущение опасности, хотя бы потому, что «чужой» значит «не свой», т.е. находится за пределами определенных правил и установок.

Следует оговориться, что у конкретного народа образ «чужого» присутствует не только как категория, помогающая осознать себя (т.е. выделить себя из среды обитания, консолидировать себя с себе подобными, наконец, осознать необходимость поддерживать свою выделенность из среды, состоящей в том числе из «чужих» коллективов). На ранних этапах социализации «чужой» однозначно вызывал страх, воспринимался как прямая или потенциальная угроза, т.е. семантически был близок слову «враг»[13] и олицетворял опасность[14].

Изгнания чужих, или других, народов происходили повсеместно в прошлом, да и в настоящем это происходит. Этническая память и/или националь-

[11] *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 122–182.

[12] Там же. С. 173; *Тосака Дзюн.* Японская идеология. М., 1991. С. 85–102.

[13] См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1. С. 352.

[14] См.: *Шукуров Р.М.*С. Введение, или предварительные замечания о Чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 24.

ные истории народов могли с той или другой оценкой сохранить и описать эти времена. Но, пожалуй, единственный народ в мире это прошлое записал в своих священных текстах и сделал частью своей религии и самосознания. Это тем более значимо, что изгнания/гонения евреев происходили систематически в различных странах.

Поводы для гонений были различными. Занимаясь ростовщичеством или каким-то другим видом деятельности, не присущим большинству коренного населения той или иной страны, евреи могли вызывать зависть. Но причиной ее было не только богатство зажиточных семей. Подобная зависть у коренного населения могла возникать и по отношению к своим феодалам и купцам, а то и своим священникам. Главной причиной являлся конфликт с представителем другой веры, тем более представителем народа, с которым ассоциировалась гибель Христа. И это происходило в течение нескольких столетий.

Возникла уникальная ситуация, когда из-за мифологизированного и раздутого до всемирных масштабов греха одного еврея стал страдать весь еврейский народ.

В эпоху Просвещения, революций и с началом европейской эмансипации у евреев Европы зародилась надежда, что наконец-то и их время настало — они освободятся от бремени библейского мифа. Действительно, с одной стороны, ряд европейских государств заявил о приверженности равенству своих граждан, даже разных конфессий. С другой стороны, сами евреи решили осуществить попытку выйти из многовековой изоляции и самоизоляции. Но процесс европейской эмансипации шел неровно, противоречиво и с откатами.

Равные гражданские права не распространялись на евреев, отменялись уже предоставленные. И дело было не только в европейском вопросе, но и в сложном процессе формирования европейских национальных государств, сопровождавшемся социальными, межэтническими и межгосударственных конфликтами. Причем часто осуществлялись попытки использовать всегда существовавшие у обывателя антисемитские стереотипы в различных политических целях. Стоит только вспомнить вошедшее в европейскую историю известное дело Дрейфуса.

Таким образом, можно констатировать, что европейская эмансипация не привела к существенным изменениям в положении евреев в Европе. Более того, слабые попытки властей хоть как-то уменьшить дискриминацию евреев только увеличивали антисемитские настроения в обществе.

Провозглашенный еврейскими интеллектуалами призыв к интеграции не был поддержан или не был услышан массовым еврейским обывателем. Было очевидно, что столетия изоляции не прошли даром. Евреи свыклись со своим положением, довольствовались малым, терпеливо сносили дискриминацию как естественную и, более того, всегда были готовы к худшему и самому худшему. В результате те еврейские интеллектуалы, кто действительно осознавал свою национальную маргинальность и пытался ее преодолеть, могли только констатировать, что им не удалось осуществить задуманное. При том, что Европу сотрясали национальные движения и революции, еврейская консолидация не удалась, хотя и возникали те или иные еврейские политические партии, например, в России известный социал-демократический Бунд.

При такой ситуации в среде еврейской интеллектуальной элиты зарождается идея вернуть свой народ на прародину. Стремление к возвращению на Родину по большому счету присуще всем, по каким-то причинам покинувшим ее. Это может происходить реально, а может и в памяти. У евреев «возвращение» было институциализировано религиозной догмой и священными текстами. Еврей, родившийся в Европе и забывший свой язык, но даже как-то нашедший свою нишу в той или иной европейской стране, естественно, верил не только в свою религию, но и в возможность «возвращения» на «землю обетованную». Эта вера поддерживала еврея. Собственно говоря, сионисты, своеобразно отвечая на вызовы своего народа, только оформили «еврейскую мечту» в идеологическую и политическую доктрину. Конечно, это был не единственный проект «возвращения» народа на свою прародину. В свое время в Монголию попытались вернуться калмыки Северного Кавказа. Были случаи возвращения и других отдельных этнических групп. В Африку вернулась группа негритянского населения США и образовала свое государство с символическим названием «Либерия».

Евреи переселялись на Ближний Восток группами и создавали в Палестине свои общины. Отношение к «возвращенцам» на прародине было неоднозначно со стороны местного арабского населения, да они и сами приживались с трудом. И дело не только в религиозном и этническом противостоянии евреев

и арабов. Нечто подобное имело место и с другими народами и переселенцами вообще. Более того, даже сородичи настороженно воспринимали тех, кто решил вернуться. А возвращенцы зачастую просто не готовы были принять ту свою прародину, которая реально не соответствовала их мечтам и надеждам. Да и другие — калмыки, адыги, русские из стран СНГ, — так же, как и евреи, прожив не одно столетие в странах, куда их предков когда-то забросила судьба, стали другими.

Уникальность сионистского движения заключалась в том, что это был первый случай попытки возвращения именно *рассеянного по всему свету* народа на историческую родину и создания им здесь своего государства. В общем-то им это удалось, но получили ли они желаемую безопасность...

И все же основная масса евреев осталась там, где родились их родители и они сами. Причем положение их в Европе все более ухудшалось, что стимулировало каждый раз очередную волну еврейской иммиграции как в Палестину, так и за океан — в Латинскую Америку и США.

После окончания Первой мировой войны положение еврейских общин в европейских странах было близко к критическому. Послевоенная разруха, безработица, экономический кризис, наконец, рост националистических настроений в обществе и приход к власти фашистов в Германии уже в 30-х гг. XX в. поставили евреев на грань выживания. Еврейские погромы и преследование властей все чаще случались и в других странах. И, если власти в Италии и Германии действовали вполне осознанно, то сотни и тысячи обывателей по всей Европе на подсознательном уровне считали, что так оно и должно быть — ведь это евреи и нехристиане. Было ли это обыкновенной трусостью или наивной надеждой, что насилие властей обойдет их стороной? Не обошло...

Исторический опыт свидетельствует, что диктатура и тотальные репрессии начинаются или могут начаться с насилия над «первым» евреем. Но, если в большинстве своем диктатура локализуется отдельной страной, то в нацистской Германии она охватила и подчинила всю Европу. Трусливые попытки торговаться с Гитлером привели к катастрофе европейского масштаба, что привело к уничтожению европейских евреев. Причем это происходило зачастую руками представителей стран, оккупированных Германией. Мы не будем их называть. Но некоторые осознали свой грех. Это можно увидеть не только по официальным покаяниям, но отражено в литературных произведениях и киноискусстве.

Безусловно, начало формирования антигитлеровской коалиции государств было мотивировано не озабоченностью европейских «демократий» еврейским вопросом. Последний встал только после разгрома Германии и окончания Второй мировой войны. Сказать, что европейские державы покаялись перед жертвами Холокоста, скорее всего нельзя. Они были озабочены геополитическими вопросами и собственными проблемами. Но память о соучастии сохранилась и подспудно тяготила, как и подсознательный страх повторения подобного. В результате, с одной стороны, пришло мудрое решение не унизить Германию и не озлобить немецкий народ, как это произошло после Первой мировой войны, а помочь вернуть их в нормальное состояние. А с другой — был осужден и геноцид европейского еврейского народа, наказаны идеологи и исполнители. Но поверили ли сами евреи в искренность судей? Очевидно, нет, если религия, миф, мечты евреев о земле обетованной стали обретать черты политической стратегии. Что называется, чаша еврейского терпения переполнилась и вылилась в решение использовать последний исторический шанс — создать собственное государство, пока в очередной раз великие державы не поделили земли Ближнего Востока. Следует напомнить, что в послевоенный период еврейский народ был не единственным в своем стремлении. Волна войн и восстаний под знаменем права народов на самоопределение охватила весь мир. Чем же евреи были хуже? Вроде бы ничем, если бы не христианский архетип.

И все же европейские государства признали самопровозглашенное государство Израиль на палестинских землях. В этом была попытка искупить вину, а на подсознательном уровне, возможно, то самое потаенное — «чем меньше будет евреев в Европе, тем лучше», с учетом того, что вставал вопрос о возвращении собственности тем евреям, которые захотят вернуться на свое довоенное место жительства.

Возможно, что мог быть и другой вариант решения еврейского вопроса, чем то ли реставрация прошлого, то ли воплощение мифа в реальность. Но что произошло, то произошло — государство еврейского народа возникло и существует уже 60 лет. Кому-то это не нравится, как другим не нравится

случайно, волею судеб, возникшее за океаном американское государство.

С возникновением государства Израиль еврейский вопрос не был закрыт. Антисемитизм по-прежнему существует в политике и на бытовом уровне. В то же время возникла парадоксальная ситуация, когда, по большому счету, проблема безопасности Израиля и его граждан уже не есть часть еврейского вопроса. Государство Израиль сформировало израильскую нацию, отличную от еврейской диаспоры мира и имеющую свои проблемы внутреннего и внешнего порядка.

В заключение можно еще отметить, что современное государство Израиль и израильское общество (или израильская нация) явно выделяется своими цивилизационными характеристиками из окружающего ближневосточного мира. Израиль скорее южноевропейское государство, чем ближневосточное, и оно принадлежит (точнее, ближе) западной цивилизации, может быть, даже ближе, чем соседние греки-киприоты. И, если когда-то Турция войдет в Евросоюз, т.е. будет полностью признана и ее европейская идентичность, то, возможно, и Израиль (сосед Кипра и член ЕС) через Средиземноморский союз войдет в ЕС, а до этого станет страной — участницей ОБСЕ, где уже есть представители даже далеких от Европы азиатских постсоветских государств. И тогда в Европе будет государство, и евреи, в том числе и наши бывшее соседи по подъезду и улице, опять обретут свое европейское гражданство.

В любом случае отношение к еврейскому вопросу в любой христианской стране — это тест как минимум на политическую зрелость. Но еврейский вопрос не закрыт и для самих евреев, ибо преодоление прошлого трудно и бесконечно.

Задохин А.Г., 2010